

Заметки о поэтической подборке Татьяны Щербининой «Сумерки»

Изначально я испытала огромную радость от того, что у меня появилась возможность поработать с материалом, который мне очень близок. Мой внутренний поэт наслаждался эмоциями и переживаниями, которые ему доставили представленные стихи. Но постепенно, продолжая работу, я поняла, что не всё так просто: внутренний филолог немного приглушил эти чувства, хотя и не совсем. Когда я начала разбираться в мелочах, в том, как это сделано, то с одной стороны поняла, насколько много автор даёт нам посылов для осмысления своего текста, с другой – моё собственное нетерпение и желание заставляют меня попробовать проанализировать эту подборку с разных позиций.

Стихотворения в подборке Татьяны я разделила условно на две группы. Первая группа – с философско-лирическими, созерцательными образами, вторая – тяготеющие к публицистике или явно публицистические.

К первой группе я бы отнесла стихотворения «Потому что Господь – художник», «Сумерки», «Русский рок», «Просыпаться, друг другу рассказывать сны...», «Старая пластинка», «Красота и безмолвие – классика нашей зимы...», «Мир – старый добрый пятистеноч...», «Замерзают и сопли, и слёзы...». И уже в первом стихотворении поэтесса погружает нас в активный процесс сотворения мира, по которому мы можем судить, как она сама создаёт свои произведения. Благодаря такому приёму у нас появляется возможность проникнуть в поэтическое мироощущение автора, осознать причастность к со-творению.

Первое, на что я обратила внимание, – это тяготение к доверительным разговорным интонациям, благодаря чему внутри поэтического текста возникает сильный посыл, автор сразу берёт читателя в оборот. Поэтесса обнажает проблемы бытийности и рока, веры, слепой судьбы, первобытности и современности. Несмотря на то что эти темы кажутся чересчур глобальными, внутри каждого стихотворения они срабатывают чутко и тонко:

*Рисовать, рисковать,
восставать против косной смерти,
сквозь открытое сердце ликующий космос лить...*

И в то же время даже при наличии разговорного стиля и внешней современности в них очень много от классической поэзии, благодаря чему возникает ощущение напевности и лиричности, и одну из самых главных ролей здесь играют повторы. Это и лексические повторы слов, союзов и частиц, и синтаксические повторы предложений и связок. Например: «*Ещё миг – и лавина, ветер, – всё, что внутри...*» (1,7) – здесь пропущен союз *и* в двух местах, он как бы есть, но автор убирает его, и появляется внутренний накал. «*Январский лес монументальный, лес богатырский, лес brutальный. Хрусталь, и тишина, и тайна – всё сплетено...*» (4,5) – в данном случае мы тоже видим повтор слова *лес* несколько раз и усиление союзами *и*, в этом же стихотворении присутствует звукопись: *живая жизнь*, которая не звучит как тавтология, а наоборот, усиливает и без того сильную позицию автора. В стихотворении «*Замерзают и сопли, и слёзы...*» – также достаточно повторов, усиливающих воздействие, много сильных звонких и сонорных звуков: *з, ж, в*. И в конце повтор усиливается строчкой, которая содержит в себе суть незапланированного ответа, несущего окказиональный характер:

*Лучше лес, лучше белое поле,
Чем людское безмерное зло.
– Красна девица, любо? Тепло ли?
– Ой, тепло!*

Такое построение текста напрямую отсылает нас к песенному фольклору, и в то же время такой ответ выводит ситуацию из общеупотребительной, поднимая стихотворение на должную высоту.

В данных философско-лирических стихах очень много созерцательной составляющей. Ощущение такое, что автор отстраняется от своей личности, чтобы увидеть суть своего внутреннего состояния со стороны, хотя и ведёт нас вглубь этого переживаемого опыта. Отсюда и замершее в стихах время: прошлое или настоящее, и частая ретроспектива, оценивание прежних ситуаций и действий, особенно в публицистических стихах, например:

*Века прошедшего горестный груз пеплом – в трубу.
Мы променяли Советский Союз
на «бубль-гум».*

*Джинсы «Монтана», дымок конопли,
глянцевый морок свобод.*

*Кушать хотелось,
и мы не пошли на эшафот...*

Интересно время выстроено в стихотворении «Красота и безмолвие – классика нашей зимы...». Изначально время настоящее, читатель находится в состоянии наблюдателя вместе с автором, но постепенно как бы воспоминания прошлого, как всполохи, проникают в это созерцание и оживают в нашем восприятии. Очень светлый и узнаваемый образ Пушкина, много жизнеутверждающих фраз. Использование звукописи, в которой так же достаточно звонких, взрывных звуков, почти в каждой строчке, что соответствует эмоциональному посылу строк. Для поэтессы это возможная удачная попытка вырваться из обыденной жизни. Преобладание этих звуков мы можем увидеть в экспозиции и кульминации стихотворения, ближе к концу повествование как бы притухает, и здесь мы видим такие звуки, как *ч, ш, с*, мягкие согласные: *т, к*, а потом вновь звонкость возвращается. Возникает кольцевая звуковая композиция, которая заканчивается оживлением картинка из прошлого:

*В белой комнате – сумерки.
Штору чуть-чуть приоткрой:
На стекле и на сердце узор удивительный выткан,
Там взрывает бразды и летит по степи снеговой
Удалая кибитка.*

Вообще во всей подборке ощущается особая внутренняя пружина, которая распрямляется в своё время и заставляет жизнеутверждающе смотреть на мир.

Тема мира у Татьяны присутствует в каждом стихотворении, примером может служить стихотворение «Мир – старый добрый пятистеноч...». Для автора это не совсем мир, это ойкумена, освоенный, обжитой мир, мы видим пейзаж и восприни-

маем его как нечто метафизическое, а потом возвращаемся в свои пределы привычной реальности. Создается как бы неподвижная картинка, которая строится на тонком и точном восприятии наблюдателя.

Эти же наблюдения можно отнести и к стихотворению «Сумерки», где волшебная картинка выстраивается логически явной после каждой прочитанной фразы. Хотя последняя строфа и снимает возникшее напряжение, внутренне хочется продолжения описания или разрешения конфликта каким-либо невероятным образом. Для меня это созвучно картинам Константина Васильева, его пейзажам «Лесная готика», «Часовня», в которых «пейзаж, вылепленный художником из мозаики собранных ощущений, превратился в стукот красоты» (Из книги А. Дороница «Константин Васильев: художник по зову сердца» – М.: Астрель: АСТ, 2005).

Приём нанизывания образов проявляется в стихотворении «Русский рок», в котором одна за одной мифологемы из разных времён, ставшие со временем устойчивыми и архетипичными, тянут за собой огромное количество ассоциаций. Тема русского рока предлагается нам не как тема музыкального направления и мейнстрима, а как многовековой ход истории, полной трагических событий и великих достижений, предreshённых самой судьбой. Контекст очень плотный, цитатный. Но в данном случае мы прощаем автору и штампы, и многочисленные отсылки, так как он выводит читателя к высокому состоянию преодоления Великого, который доступен героям.

Проблема счастья героя решается в философско-космическом плане:

*...Но с улыбкой Гагарин глядит во тьму,
Тишины касаясь прохладным лбом,
«спит земля в сиянии голубом»,
И до Божьей воли – совсем чуть-чуть,
а ромашки в поле – как Млечный путь.*